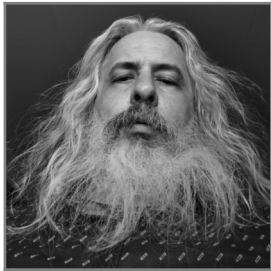

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ ЗНАНИЯ

Черняк Алексей

Зиновьевич – кандидат философских наук, доцент. Российский Университет Дружбы Народов. Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: abishot2100@yandex.ru

Проблема ценности знания – одна из самых обсуждаемых в эпистемологии в последнее время. Почему мы должны стремиться к получению именно знаний, а не просто истинных убеждений или релевантной информации о предмете нашего познавательного интереса? Легче всего показать, что знание имеет определенную инструментальную ценность; но защитники большей ценности знания, как правило, имеют в виду, что оно ценно независимо от своих практических последствий. Обосновать это положение нелегко. Кто-то считает, что знание – лучший проводник истинности, чем просто истинные убеждения, или даже – что знание гарантирует истинность. Другие пытаются выделить дополнительные свойства знания, обладающие собственной эпистемической ценностью, и придать знанию большую ценность за счет обладания каким-то таким свойством. Третьи отрицают наличие у знания особой ценности, отличающей его в познавательном плане от истинного убеждения. Многие согласны, что можно показать, что обладание знанием того или иного вида ценнее просто убежденности в соответствующей пропозиции, даже если она истинная. Но куда труднее показать, что знание универсально ценнее за счет каких-то своих собственных свойств, а не становится чем-то более ценным в определенных обстоятельствах. Но чаще всего, говоря об особой ценности знания, имеют в виду именно что-то присущее знанию по природе и фиксируемое в определении. В статье разбирается несколько популярных объяснений особой эпистемической ценности знания и выявляются их недостатки. Автор предлагает, что показать, чем знание ценнее просто истинного убеждения, для некоторых видов знаний проще, чем для некоторых других. Самые примитивные, а также самые абстрактные виды знаний чаще всего функционально неотличимы от соответствующих истинных убеждений. Между тем многие знания имеют модальные функциональные отличия от соответствующих истинных убеждений, и для них показать, что они обладают дополнительной познавательной ценностью, вполне возможно. Однако в своем универсальном виде тезис ценности знания, скорее всего, невозможно защитить.

Ключевые слова: эпистемическая ценность, истина, знание, истинное убеждение, обоснованное, надежное, добродетельное, инструментальная ценность

THE PROBLEM OF THE VALUE OF KNOWLEDGE

Alexey Z. Chernyak –
PhD in Philosophy,
Associate Professor.
Peoples' Friendship University
of Russia.
6 Miklukho-Maklaya St.,
Moscow 117198,
Russian Federation;
e-mail: abishot2100@
yandex.ru

The problem of the value of knowledge is one of the most discussed in epistemology in recent times. Why should we strive to acquire knowledge, and not just true beliefs or relevant information about the subject of our cognitive interest? It is not hard to show that knowledge has certain instrumental value; but defenders of the idea in question usually mean that knowledge is valuable regardless of its practical consequences. It is not easy to justify this position, though. Some believe that knowledge is a better guide to truth than just true beliefs, or even that knowledge guarantees truth. Others try to identify intrinsic properties of knowledge which can give knowledge additional value due to having their own relevant value. Yet others deny that knowledge has special value that distinguishes it cognitively from true belief, at least universally. Many agree that it can be shown that the possession of knowledge of one kind or another is more valuable than just believing the proposition which is true. But it is much more difficult to show that knowledge is universally more valuable due to some of its own properties, rather than circumstances. But those, who talk about special value of knowledge, normally mean some intrinsic and universal value to be reflected in definition. The article examines several popular explanations of the special epistemic value of knowledge and identifies their shortcomings. The author believes that it is easier for some types of knowledge than for some others to show how knowledge is more valuable than just true belief. The most primitive as well as the most abstract types of knowledge are most often functionally indistinguishable from the corresponding true beliefs. Meanwhile, many types of knowledge have modal functional differences from the corresponding true beliefs, and it is possible to show why they may have additional epistemic value. However, in its universal form, this idea is most likely impossible to defend.

Keywords: epistemic value, knowledge, truth, true belief, reliable, virtuous, justified, instrumental value

Постановка проблемы

Чем знание предпочтительнее или ценнее просто истинного убеждения или верной информации о предмете, почему именно оно должно быть целью наших когнитивных усилий?¹ Ведь в том, что

¹ Здесь и далее речь идет о так называемом пропозициональном знании, или, иначе, знании фактов: что то-то и то-то (имеет место, такие-то свойства или связано с тем-то так-то). В аналитической философии, во многом определившей направление современной эпистемологии, такие знания трактуют обычно как определенные состояния сознания субъекта – чаще всего как истинные убеждения, отвечающие какому-то дополнительному условию, которое в разных эпистемологических

традиционно считается главным в познании, обе эти установки (или состояния сознания) тождественны: в обоих случаях субъект имеет истинную информацию о предмете, или, иначе – верно о нем судит. Вопрос о ценности знания как особого познавательного результата стал активно обсуждаться в эпистемологии в конце прошлого, начале этого столетия – главным образом в связи с различием между знанием и истинным убеждением. Большинство философов и ученых считают, что знание обладает большей ценностью по сравнению с другими эпистемическими установками². Эта традиция восходит к Сократу и Платону [Платон, 1990, 97b–d]. Объяснить, почему знание вообще имеет познавательную ценность, вроде бы легко: поскольку в познании (теоретическом как минимум) нас интересует истина или главным образом истина³, и знание факта или пропозиции, что p , предполагает наличие соответствующего факта или истинность соответствующей пропозиции, знание имеет познавательную ценность. Но куда менее очевидно, что оно ценнее просто истинного убеждения, должно ему предпочитаться как цель познавательных усилий.

Опыт подсказывает, что знание, что p (то, что мы привычно относим к этому виду), не всегда ценнее для субъекта или тех, кому это знание предлагается, чем просто истинное убеждение или даже отсутствие информации о p . Как минимум для большинства людей совершенно бесполезно знать, сколько травинок в конкретном поле, атомов в их теле и огромное множество других фактов, и тратить силы и время на их узнавание кажется делом бессмысленным и даже вредным⁴. Обладает ли знание самостоятельной ценностью независимо от текущей полезности для кого-то или же знания ценны

теориях формулируется по-разному. Подробный анализ этой концепции знания и обзор теорий см. в [Каримов, 2019]. Для меня здесь вопрос «Что есть знание?» вторичен; данная статья посвящена другому вопросу: если имеется знание, что p , то почему оно должно цениться выше, чем истинное убеждение, что p , истинная информация о p и т.п.?

² Под ценностью обычно понимают либо качество, в силу которого нечто предпочитают, хотят, имеют целью, используют в качестве мерила, либо нечто, являющееся носителем такого качества. Говоря о ценности знания, имеют в виду, как правило, некое его качество, делающее его желательной и более предпочтительной в сравнении с другими доступными результатами целью познания. Определение понятия ценности знания см., в частности, в [Carter, Pritchard, 2015].

³ Не все согласны, что истина является главной познавательной ценностью и целью познания. Прагматизм – главный источник критики такого рода. См., например, [Kvanvig, 2005]. Я, однако, не буду здесь обсуждать эту проблему: достаточно того, что для большинства ученых и философов истина является важной и самостоятельной познавательной ценностью.

⁴ См., например, перечисление примеров бесполезных и вредных знаний в [Baehr, 2009, p. 49–51]. См. также [Kvanvig, 2008].

только как средства решения практических задач и лишь постольку, поскольку они полезны в этом отношении? Это – один из широко обсуждаемых в рамках общей проблемы, о которой здесь идет речь, вопросов. Некоторые считают, что ценность знания и ценность состояния знания для субъекта – разные вещи, и что знание может быть ценным, даже если иметь его в конкретной ситуации вредно или не лучше, чем не иметь. Я в общем разделяю это мнение, так как считаю правдоподобной аналогией знания и добродетели: быть добродетельным может быть вредно в определенной ситуации, но это не подрывает нашей убежденности в ценности добродетели как таковой⁵.

С другой стороны, многие считают, что знание обладает особой эпистемической ценностью по своей природе, что определить, что есть знание, – значит в том числе приписать ему эту ценность⁶. В этой связи можно задать следующие два вопроса. Может ли знание быть более ценным результатом познания, чем что-либо другое, само по себе, не будучи таковым в силу определения? И можно ли посредством определения показать, что знание обладает универсальной дополнительной ценностью? На первый вопрос я склонен ответить: да; на второй – нет. Предлагаю далее рассмотреть почему.

Я буду опираться на анализ проблемы ценности знания, предложенный Ж. Дютантом, он кажется мне довольно точным. Он выделил внутри данной проблемы три тезиса, которые можно отвергнуть или принять: 1) истинность является единственным источником познавательной ценности вместе знания и истинного убеждения, 2) знание и истинное убеждение представляют собой познавательные успехи одного типа, и 3) знание – познавательное более ценный результат, чем просто истинное убеждение [Dutant, 2012, p. 147]. Большинство принимают (3), отвергая либо (1), либо (2)⁷. Но в зависимости от того, какая версия третьего тезиса принимается, от доказательства ложности первого или второго требуются разные вещи. Если отвергается (1) и принимается универсалистская версия (3), то нужно показать, что знание всегда добавляет некую эпистемическую ценность к истинному убеждению (или имеет ее в сравнении с ним), если же принимается более слабая версия (3), то достаточно привести примеры знаний, имеющих эту добавочную ценность. Если большую ценность знания в принципе можно обосновать, то нетрудно заметить,

⁵ При этом знание не обязательно считать добродетелью, а состояние знания, что р, тождественным обладанию какой-то моральной добродетелью.

⁶ См., например, [Zagzebski, 2003].

⁷ Среди тех, кто склонен отрицать (3), – Д. Притчард [Pritchard, 2007] и сам Дютант. Д. Бэр отрицает (3) как универсальный тезис, но принимает его более слабую версию, согласно которой обстоятельства познания обычно делают знание более ценным для людей результатом.

что обосновать более слабую версию тезиса явно легче. Однако большинство тех, кто всерьез ставит перед собой такую задачу, пытаются обосновать именно сильную версию данного тезиса⁸.

Знание – лучший проводник истины?

Те, кто принимает тезис равной успешности (2), стараются показать, что знание факта (пропозиции), что p , дает больше в плане истины, чем просто истинное убеждение, что p (например, знание или истинное убеждение второго порядка – что субъект знает, что p)⁹. Голдман и Олсон [Goldman, Olsson, 2009] утверждают, что истинное и надежное убеждение ценнее просто истинного, потому что оно обеспечивает более высокую вероятность получения дополнительных истинных убеждений в будущем (за счет свойства надежности)¹⁰. На это возражают, что надежностью источника убеждения (процессов, в ходе которых оно сформировано, или оснований, по которым оно принимается) невозможно объяснить большую ценность знания по сравнению с истинным убеждением. Так, Л. Загзебски считает, что надежность имеет только инструментальную ценность: надежная кофемашина ценна, потому что ценностью обладает кофе, который она делает. Надежность повышает вероятность получения желаемого результата, но не добавляет никакой ценности к ценности продукта, получение которого она обеспечивает [Zagzebski, 2003, p. 13]. Для надежности можно найти дополнительную ценность, не определяемую ценностью продукта, связанную прежде всего с ролью надежных процессов в обучении. Если учитель просит ученика решить математическую задачу, его оценка, скорее всего, будет зависеть не только от того, правильный ученик дал ответ или нет, а еще и от того, каким способом он пришел к решению (если он просто угадал, оценка вряд ли будет высокой). Эта ценность связана с качеством ожидаемых результатов применения метода, но предмет может ее иметь, даже если он в будущем по стечению обстоятельств не даст ожидаемых результатов. То же относится и к такому часто упоминаемому в определениях параметру знания, как обоснованность: если обоснованное убеждение, что p , ценнее просто убеждения, что p , только потому,

⁸ Так, Л. Загзебски [Zagzebski, 2003] считает, что проблема ценности знания – это именно проблема правильного определения сущности знания, а не анализа последствий наличия знаний.

⁹ Так понимает преимущество знания, например, Суинборн [Swinburne, 1999, p. 64]. Большинство эпистемологов, однако, не согласны, что знание второго порядка является необходимым условием знания факта, так что как минимум это – сомнительная защита универсалистской версии (3).

¹⁰ Условия надежности убеждения сформулированы, в частности, в [Goldman, 1986].

что повышает вероятность его истинности, то обоснованное истинное убеждение не более ценно, чем просто фактически истинное; но в некоторых контекстах обоснованное убеждение может иметь самостоятельную ценность, независимо от его истинности. Например, если в споре о том, какую теорию далее развивать, защитники теории А предлагают хорошие аргументы в ее пользу, а их противники только ссылаются на интуиции, для непредвзятого «судьи», скорее всего, позиция первых будет выглядеть более убедительной в силу ее обоснованности: в данном случае то, что позволит им дальше разрабатывать свою теорию, – это ее обоснованность, а не истинность. Но эта линия рассуждений может быть решением проблемы, только если отвергается (1) – истинность как единственная эпистемическая ценность.

В рамках первого подхода иногда еще указывают на более тесную связь знания и истины, выражающуюся в таких свойствах, как большая стабильность или резистентность знания к внешним воздействиям, таким как обманчивые, но авторитетные контрсвидетельства: утверждается, что если субъект знает, что p , то он с большей вероятностью сохранит эту свою установку при получении объективно ложных, но выглядящих для него истинными контрсвидетельств, чем если он просто убежден, что p истинно¹¹. Сократ в «Меноне» также указывает на большую устойчивость знания как на причину его большей ценности [Платон, 1990, р. 98]. Не все, однако, согласны с тем, что знание обладает этим преимуществом, во всяком случае – универсально. Джонатан Кванвиг, например, считает, что есть случаи, когда субъекты отбрасывают то, что они знают, получив авторитетные, хотя и объективно ложные, свидетельства их ложности [Kvanvig, 2003, р. 15–16]. Резистентность такого рода может больше зависеть от личных свойств или контекста, чем от типа установки.

Но некоторые считают, что знание пропозиции гарантирует ее истинность. В этой связи знание отличается от просто истинного убеждения модальными свойствами, которые инкорпорируют в определения знания в виде специального условия – например, отслеживания истинности: знание субъектом x , что p , несовместимо с ложностью p (если бы p было ложно, x не принял бы убеждение, что p), а кроме того, исключает непринятие x этого убеждения (в соответствующих условиях) в случае истинности p [Nozick, 1981, р. 179]¹². Гарантирует ли знание истинность в каком-либо строгом модальном смысле – сказать трудно: нет способа проверить это экспериментально, а из определения это может следовать или не следовать в зависимости

¹¹ Так считает, например, Т. Уильямсон [Williamson, 2000, р. 78], который настаивает на том, что знание вообще является не видом убеждения, а чем-то более фундаментальным.

¹² Ср. также сходное условие безопасности [Pritchard, 2005, р. 163].

от выбора определения. Но в целом я думаю, что, даже если согласиться, что задача нахождения знаний, обеспечивающих доступ к большому числу истин в сравнении с аналогичными истинными убеждениями, решаема, защитить таким способом универалистскую версию тезиса (3) вряд ли возможно, потому что всегда можно найти случаи предположительно знаний, которые не имеют каких-то очевидных последствий в виде других истинных убеждений¹³.

Также если у знания есть добавочная ценность в силу его природы, то, по крайней мере, понятно, почему оно заслуживает особого отношения и стоит усилий (пусть и не всегда в равной степени). Но, если знание не универсально ценнее истинного убеждения, а только в силу обстоятельств, которые могли бы быть и другими, надо объяснить, почему мы должны предпочитать именно знания и направлять на них познавательные усилия, независимо от текущих условий.

Знание ценнее в силу большей функциональности

Широкий спектр решений связан с отказом от тезиса истинности как единственного источника познавательной ценности (1). Виртуалисты (приверженцы так называемой эпистемологии добродетелей) и некоторые релейабилиты (определяющие знание как истинное надежное убеждение) настаивают на том, что определенные свойства процессов, отвечающих за получение истинных убеждений, или способности, благодаря которым они получены, имеют самостоятельную ценность, за счет которой результирующее убеждение получает дополнительную ценность независимо от его истинности¹⁴. Но более популярно объяснение знания как особого достижения субъекта, заключающегося в том, что он получил нужный результат посредством правильных действий – использования надежного метода, правильно применяя свои когнитивные способности и т.п., в силу чего этот результат является не просто тем, что он получил, а еще и его заслугой¹⁵. Но не все знания можно считать достижениями субъекта (по крайней мере, не в равной степени): часто мы их просто получаем, не прилагая специальных усилий и даже не имея специальной мотивации. С другой стороны, истинные убеждения тоже можно трактовать как своего рода эпистемические достижения: так ли они принципиально отличаются от знаний как достижений? Это не очевидно. Как замечает Ж. Дютант, если кому-то нужно помыть крыльцо и выпавший

¹³ См. в этой связи рассуждения Дютанта [Dutant, 2012, p. 153].

¹⁴ См., например, [Goldman, Olsson, 2009, p. 34].

¹⁵ Разные версии этого взгляда представлены в [Greco, 2003; 2011; Riggs, 2002; 2009; Sosa, 2007].

дождь делает это, то он будет не менее ценным результатом, чем приложение собственных усилий, ведущее к той же цели [Dutant, 2012, p. 156]. Также некоторые эпистемологи считают, что не все истинные убеждения, которые мы получаем в силу наших когнитивных достоинств или правильных действий, корректно считать нашими знаниями. Если, например, субъект делал все правильно, применил надежный метод и пришел к истинному убеждению, что p , но обстоятельства, о которых он не знает, таковы, что ему повезло прийти именно к истинному убеждению в данном случае (он легко мог бы обмануться, действуя точно так же), его убеждение, что p , не будет его знанием, хотя и является его познавательным достижением в выделенном смысле [Lackey, 2007; Pritchard, 2008, web]. Примеры таких достижений могут считаться или не считаться знаниями, в зависимости от того, какая теория знания принимается за основу. Но в любом случае можно усомниться в том, что знание от незнания правильно отличать по тому, как оно получено, а не по его воздействию на субъекта и его окружение.

Тем не менее многие обосновывают особую ценность знания именно связью с интеллектуальными качествами субъекта, которые обычно сами по себе считаются чем-то похвальным. Так, Л. Загзебски считает, что нельзя найти что-то, достаточно ценное, что при добавлении к истинному убеждению будет гарантированно давать знание, если исходной точкой определения знания является истинное убеждение. Но если взять за основу то в убеждении, что является самостоятельной ценностью, то в тех случаях, когда такие убеждения оказываются знаниями, их большую ценность знания можно вывести из означенной ценности убеждения. Эту самостоятельную ценность, по ее мнению, создает связь убеждения с так называемыми интеллектуальными добродетелями: добродетельные познавательные действия желательны сами по себе, как и любовь к истине, если они мотивированы любовью к истине и ведут к получению знания, это знание ценно не только как истина, но и как действия, желательные сами по себе [Zagzebski, 2003, p. 13, 24, 25]. Но не все, что мы обоснованно считаем знанием, получено из любви к истине: это – явно слишком сильное условие. С другой стороны, по крайней мере, в этике моральная ценность действия и его результатов не всегда и даже не очень часто определяется моральным качеством его мотивов. Почему это должно быть не так в познании? Если я прихожу к убеждению, что p , из любви к истине, но получаю ложное убеждение, как минимум не очевидно, что правильно говорить о таком убеждении как имеющем положительную эпистемическую ценность в силу наличия данного мотива и добродетельного характера действий. Можно сказать, что правильное или добродетельное действие имеет свою собственную ценность, даже если в конкретном случае оно не дало положительный или ожидаемый результат. Но это относится

к действиям: неуспешные действия могут быть правильными или ценными как попытки достичь поставленных целей или реализовать определенные добродетели; из этого, однако, не следует, что результаты этих действий должны считаться обладающими той же ценностью. Ложное убеждение мы же не станем считать ценным, потому что оно было мотивировано любовью к истине¹⁶. Истинные добродетельные убеждения, имеющие благородные мотивы, могут быть ценными не только как истинные убеждения, но и как носители указанных качеств, но непонятно, откуда следует, что их ценность должна определяться тем и другим, тем более – в равной степени. Если это так, эпистемическая ценность такого убеждения должна была бы сохраняться даже в случае его ложности; но практика показывает, что мы не очень склонны приписывать такую ценность ложным убеждениям, разве что в каких-то особых случаях.

Как насчет инструментальной ценности знания? Верно ли, что, если субъект знает, что *p*, а не просто верит, что *p* истинно, это знание будет для него лучшим средством решения всей совокупности (или определенного множества) стоящих перед ним задач? Это кажется правдоподобной гипотезой, но проверить ее нелегко, так как у нас нет четкого понимания условий наличия именно знания, а не истинного убеждения или чего-то близкого к этому. Возможно, знание является в среднем лучшим мотиватором¹⁷, но и это, честно говоря, не очевидно. Может быть, в целом и среднем знание, что *p*, является лучшим или оптимальным состоянием системы, состоящей из субъекта и его окружения; но, даже если так, из этого не следует, что знания таковы по своей природе, а не в силу стечения обстоятельств. Во всяком случае некоторые знания в практическом плане скорее бесполезны и даже вредны, о чем говорилось выше. Некоторые считают, однако, что дополнительную ценность знанию придает его особый этический статус. Так, К. Пиллер утверждает, что у субъекта есть долг формировать только те убеждения, которые для него надежны (выглядят такими с его точки зрения), и истинные убеждения, сформированные таким образом, будут лучше, чем просто истинные, потому что делать то, что ты должен, является самостоятельным благом [Piller, 2009b, p. 426]. При таком подходе истинные обоснованные убеждения будут иметь большую деонтическую ценность (при определенном качестве обоснования), чем просто истинные. Но делает ли это их более ценными в эпистемическом плане? И делает ли это их знаниями? Это все равно неясно.

В целом можно сказать, что объяснение того, чем надежное, или добродетельное, или хорошо обоснованное убеждение ценнее просто истинного (в некоторых или даже во многих случаях) и чем оно

¹⁶ У него может быть какая-то ценность, но скорее всего – практическая.

¹⁷ Как считает, например, Т. Уильямсон [Williamson, 2000, p. 8].

может быть ценнее вообще, является нерешаемой задачей¹⁸. Но куда труднее обосновать, что: 1) делающее такое убеждение более ценным свойство X отвечает за большую познавательную ценность обладающих им результатов, 2) эти результаты правильно считать знаниями, и, 3) если даже наличие свойства X у истинного убеждения делает его знанием и люди ценят знания за обладанием свойством X больше, чем просто истинные убеждения, знание объективно лучше и именно на него правильно направлять когнитивные усилия¹⁹.

Знание как цель познания

Вопрос о рациональности стремления к знанию, а не к истинному убеждению имеет некоторую самостоятельную значимость, не сводимую к чисто эпистемологической. Допустим, знание имеет большую ценность в силу обладания свойством X. Но та ли X ценность, ради которой знание должно быть предпочтительной целью познания? Допустим, мы смогли даже показать, что знание объективно ценнее, чем истинное убеждение, за счет наличия свойства X, а именно: X есть то, за что эпистемологи или люди в целом должны или в идеализованной ситуации согласны ценить знание больше, чем аналогичное истинное убеждение. Допустим также, что у субъекта есть выбор: получить знание или просто истинное убеждение в ситуации, где наличие X явно не важно, а важно только наличие истинной информации. Будет ли рациональный субъект познания более прав, нацелив свои усилия на получение знания, а не истинного убеждения в такой ситуации? Я как минимум не уверен, что он будет неправ в противном случае, особенно если получение знания требует больше усилий и времени, чем получение аналогичного истинного убеждения или если оно еще и требует неких жертв.

Ж. Дютант считает, что можно объяснить, почему предпочтение знания рационально, даже если невозможно объяснить, почему оно эпистемически объективно лучше. Он исходит из того, что истинность является единственной познавательной ценностью и что знание и истинное убеждение представляют собой равные виды эпистемического успеха. Таким образом, он отрицает тезис большей познавательной ценности знания. Тем не менее знание предпочтительно в силу его большей ожидаемой ценности [Dutant, 2012, p. 158]. Он, вслед за Парфитом и другими, выделяет субъективную и объективную стороны должноствования и рациональности и, соответственно, интер-

¹⁸ Дополнительные аргументы против решений, основанных на релайабилитском и виртуалистском понимании знания, см., например, в [Meulan, 2018].

¹⁹ Аналогичное сомнение высказывает Пиллер [Piller, 2009a, p. 132].

налистский и экстерналистский взгляды на нормативность: в одном случае для субъекта разумно действовать в соответствии со своими основаниями, тогда как в другом – в соответствии с фактами [Parfit, 2011, p. 111]. Согласно Дютанту с экстерналистской точки зрения действие полностью рационально, если и только если факты, известные субъекту, дают ему достаточные основания действовать так, а не иначе. Если действие обосновано только убеждениями, а не знаниями субъекта, то оно не полностью рационально, но может быть оправдано (когда оно разумно относительно всего, что субъект считает истинным) [Dutant, 2012, p. 160]. По его мнению, *субъект должен предпочитать убеждения, основанные на знаниях, убеждениям, не основанным на знаниях, даже если и те, и другие одинаково истинные*. Почему? Потому что, хотя их ценность (конституируемая только истинностью) идентична, знание имеет более высокую ожидаемую ценность, чем истинное убеждение [Ibid.].

Но почему именно экстерналистская перспектива должна определять, что разумно делать субъекту познания? Также не очевидно, что ожидаемой ценности правильно приписывать такое нормативное значение. Пиллер иллюстрирует различие между фактической и ожидаемой ценностью на следующем примере: субъекту предлагается две пачки лотерейных билетов, в одной больше билетов, в другой меньше; хотя фактически выигрышный билет находится в тонкой пачке, субъекту разумно предпочесть толстую, потому что ожидаемая вероятность включить выигрышный билет у нее (при прочих равных) выше. Но если он знает, что в этой пачке нет выигрышного билета, ему разумнее выбрать более тонкую пачку [Piller, 2009a, p. 123]. Если ожидаемая ценность знания коррелирует с ожидаемой вероятностью истинности принимаемых или сохраняемых убеждений, то аналогия с описанной в примере ситуацией должна показывать следующее: если субъекту предлагается выбрать между двумя гипотезами, одна из которых правдоподобнее с его точки зрения, чем другая, ему разумнее выбрать более правдоподобную в силу ее более высокой ожидаемой ценности. Но это – интерналистская перспектива оценки. Добавив экстерналистский элемент – объективные показатели истинности, – мы можем эту перспективу изменить: если гипотеза, выглядящая с точки зрения субъекта более правдоподобной, на самом деле имеет более низкие шансы быть истинной, субъекту разумнее выбрать другую.

Но нас интересуют не такие случаи, а те, где сравниваются знание и истинное убеждение. По факту обе гипотезы, между которыми субъект выбирает, должны быть в таком случае истинными (у них, согласно гипотезе, равная эпистемическая ценность); но в чем тогда может состоять различие в ожидаемой ценности? Этот параметр имеет самостоятельное значение, только когда не дано, истинно оцениваемое убеждение или ложно. Если объективно субъект знает, что р,

ожидаемая ценность его убеждения, что p , будет равна 1. Если он просто убежден, что p , она может быть меньше, но, если « p » истинно, она также будет равна 1. Только в интерналистской перспективе она может отличаться, поскольку субъект не знает, что p истинно (с вероятностью 1). Но в этой перспективе знание не обязательно будет обладать всегда большей ожидаемой ценностью, потому что в ней различие между знанием и просто убеждением может проводиться не так, как оно должно быть проведено в экстерналистской перспективе (субъект может считать знанием то, что таковым не является, и наоборот). Если бы ожидаемая ценность была единственным параметром, отличающим знание от просто убеждения, если бы их фактические истинностные характеристики были несущественны, можно было бы согласиться, что в целом и среднем для субъекта познания разумнее предпочитать знания. Вопрос тогда состоял бы только в том, можно ли реализовать такое предпочтение в условиях неполной информации, в которой экстерналистская перспектива нам фактически недоступна, и, соответственно – насколько это разумное правило практического разума. Но поскольку дано, что знание и истинное убеждение имеют одинаковую объективную ценность, непонятно, почему субъект должен ориентироваться на показатели ожидаемой ценности, когда фактическая ценность сравниваемых убеждений одинакова.

Дютант также различает реальные и кажущиеся ожидания, где реальные ожидания суть вероятности, приписываемые относительно того, что субъект знает, тогда как кажущиеся – вероятности, приписываемые относительно того, во что субъект просто верит. Знание, по его убеждению, имеет более высокую реальную ожидаемую ценность: для любого p , касательно его истинности, реальная ожидаемая ценность p для субъекта знания (в момент знания) всегда выше, чем для просто убежденного в момент убеждения [Dutant, 2012, p. 161]. И на этом основании он утверждает, что знания предпочтительны, потому что их реальная ожидаемая ценность выше. Но факты, на основании которых субъект формирует ожидания в отношении истинности пропозиции, что p , могут отличаться от того факта, который он знает, веря в истинность этой пропозиции. В таком случае, мне кажется, неправильно будет сказать, что реальные ожидания субъекта относительно истинности пропозиции, что p , обязательно будут равны 1. Он знает, что p , поэтому относительно него верно будет сказать, что для него вероятность истинности « p » равна 1. Но это – объективная вероятность; субъективная же вероятность истинности « p », вытекающая из всего, что субъект знает, может быть меньше 1. И в любом случае, даже если принять данный тезис как фактически верный, вопрос о том, почему субъект должен исходить в формировании познавательных приоритетов из ожидаемой ценности, а не из фактической, если она равна для имеющихся альтернатив, сохраняет свое значение.

Можно сказать, что, если субъект знает, что p , и ему надо решить, должен ли он верить, что p , ответ должен быть утвердительный, если нас интересует эпистемическая ценность действия. В то же время, если субъект только верит, что p , и ему надо принять такое же решение, он будет прав в зависимости от того, насколько высока с его точки зрения вероятность истинности « p ». Но в реальности субъект обычно не знает, знает ли он, что p , или просто верит в это на хороших основаниях. Поэтому он не выбирает между убеждением, основанным на знании, и убеждением, основанным просто на вере: он выбирает в лучшем случае между по-разному обоснованными или более или менее обоснованными убеждениями. То есть вопрос, на который отвечают реальные субъекты познания в реальном мире, такой: если даны такие-то основания, разумно ли верить, что p ? Это всегда – интерналистская перспектива. Она может выглядеть экстерналистской относительно другой интерналистской перспективы, но она никогда для реальных людей не бывает объективно экстерналистской. Поэтому, даже если мы примем, что в идеальном мире разумнее всегда предпочитать убеждения, основанные на знаниях, если нас интересует познавательный прогресс, из этого не будет следовать то правило практического разума для реальных субъектов познания, на котором настаивает Дютант.

Но я согласен с Дютантом в том, что тезис большей ценности знания имеет скорее нормативный, чем дескриптивный смысл [Dutant, 2012, p. 162]. Однако это не значит, что такое отношение не оправдано. В этой связи важно понять: каков объем этого долженствования и какова его сила? Это, мне кажется, зависит от роли конкретных типов знаний в жизни людей (другие категории познающих нас пока не очень интересуют).

Границы ценности знания

На мой взгляд, ценность знания определяется его ролью в жизни его носителей. Некоторые знания – те, для получения которых требуется минимум усилий и сознательного контроля, подготовки и активности ума (самые примитивные в этом отношении) и которые по большей части производны от непосредственного знакомства с окружающим миром, – ценны для нас только как средства ориентирования в текущей ситуации и решения простейших когнитивных задач. Их эпистемическая ценность определяется обычно их вкладом в решение текущих задач. Допустим, я открываю почту и вижу, что мне пришло новое письмо; я получил важную для меня здесь и теперь информацию и готов действовать на основании этой информации. Это – совершенно рутинная ситуация, в которой мне не важно, знаю я, что у меня новое письмо или просто имею истинное убеждение: я буду

равным образом мотивирован нажать на значок письма и прочесть его. В этой ситуации вряд ли ценность знания превосходит ценность аналогичного истинного убеждения: то и другое одинаково хорошо делают свою основную «работу» и, скорее всего, в одинаковой степени фаллибильны. Во всяком случае, нет априорных оснований приписывать такому знанию большую эпистемическую ценность. Оно может ее приобрести в силу определенного использования, но оно вряд ли имеет его само по себе.

Но стоит добавить в ситуацию элемент неопределенности, и практическая ценность знания может повыситься. Если у меня уже есть сомнения в том, что мне пришло именно письмо, а не вирус под видом письма, но в то же время мне важно посмотреть данное письмо, если оно настоящее, – знать, что мне пришло именно письмо, может быть для меня большей ценностью, если знание лучше способно преодолевать сомнения, чем аналогичное истинное убеждение. Во всяком случае, весьма вероятно, что, зная, что мне пришло письмо, я буду меньше подвержен влиянию имеющегося сомнения, чем в противном случае. Причина этого, очевидно – в том, что, зная, что p , я знаю, что p истинно, тогда как, зная, что лишь убежден, что p , я не знаю, что p истинно²⁰. Правда, можно заметить, что в данном случае причина различия субъективна, а не объективна – если бы субъект знал вместе, что он убежден, что p , и p истинно, вероятно, это знание имело бы для него тот же эффект, что и знание, что он знает, что p . Тем не менее можно также сказать, что иметь знание в такой ситуации предпочтительнее, потому что даже сильное убеждение может не быть истинным (субъект не в силах сделать его таковым сам). Независимо от того, способны мы отличить состояние знания от состояния сильного убеждения, мы можем сказать, что знание объективно является в такой ситуации лучшим инструментом.

Но многие знания, особенно общего характера, ценны не только тем, что они «делают» для субъекта здесь и теперь, но и тем, что они могут «сделать» в будущем; мы формируем их в ходе мыслительной деятельности как средства решения более сложных и долгосрочных задач. Они обычно способны влиять на нашу жизнь более чем одним способом. Не делая чего-то большего для субъекта здесь и теперь, чем соответствующее истинное убеждение, такое знание может или могло бы дать больше, более того, это от него часто ожидается. Если это верно, нет серьезных оснований не учитывать это модальное различие в оценке его сравнительной эпистемической ценности²¹.

²⁰ Правда, это верно только для тех, кто разделяет соответствующее положение эпистемической логики; а люди в этом вопросе могут также иметь разногласия: ведь для кого-то имеют смысл выражения «истинное знание» и «ложное знание».

²¹ Некоторые всю ценность знания сводят к ценности истинности (см., например, [Sartwell, 1992]); но я думаю, что это несправедливо.

Можно выделить и третий класс знаний – чисто абстрактные знания, обладание которыми не имеет непосредственной практической полезности, кроме символической: они являются знаками принадлежности к классу экспертов или знатоков, особого статуса или обладания особыми добродетелями²². Математик, знающий, скажем, теорию комплексных чисел, может решать с ее помощью ряд математических и технических задач; но, даже если бы не было на момент времени t подходящих задач, которые можно было решить, применяя эту теорию, это знание могло бы иметь для его носителя символическую ценность, определяемую тем, что оно доступно только избранным и выделяет своего носителя как принадлежащего к когорте избранных. Но истинные убеждения, кажется, тоже могут обладать аналогичной символической ценностью. Как минимум они могут быть в той же мере похвальны, ценимы как общественные достижения и т.п. Можно сослаться на то, что хвалят за знания чаще, чем за просто истинные убеждения (если это так или там, где это так), но это не будет доказывать, что истинные убеждения не могут быть похвальны в том же смысле, в каком похвальны знания. Если знания и имеют большую символическую ценность, то вряд ли на априорных основаниях (в силу своей природы).

На мой взгляд, если тезис ценности знания верен, то как минимум в своем универсалистском варианте он может быть верен разве что для знаний второго из выделенных выше видов. Но верен ли он для них? Возьмем мое знание моего собственного имени: это – то, что я и другие довольно часто используем и в чем я не имел оснований сомневаться, как и считать, что я сделал что-то не так, опираясь на это знание. Что изменилось бы, если бы я не знал, как меня зовут, а просто имел истинное убеждение, что мое имя такое-то? На эмпирических основаниях ответить на этот вопрос невозможно, так как у нас нет четкого разграничения между случаями широко или долго используемого знания и случаями так же широко или долго используемого истинного убеждения. Мы можем исходить из какого-то определенного понимания структурного или генетического отличия

²² Они, конечно, могут иметь и более практическую ценность при определенных условиях, а также – служить основанием для получения знаний первых двух видов. Здесь важно, что их фактическая ценность в конкретной ситуации, на конкретном этапе развития общества может быть только символической. Возможно, здесь уместно говорить о различии между фактической и ожидаемой ценностью: то, что имеет чисто символическую фактическую ценность, может иметь дополнительную ожидаемую эпистемическую ценность. Но этот параметр довольно трудно формализовать, и в любом случае мне кажется, что наличие этой ценности у знания зависит больше от ситуации, чем от характера знания: если я знаю какую-то философскую теорию, у которой нет практического применения, ничто не гарантирует, что у нее есть ожидаемая эпистемическая ценность, даже если мы можем вообразить себе, как она могла бы помочь решать какие-то задачи.

знания от истинного убеждения: но правильность определения невозможно верифицировать. Максимум, что мы можем утверждать в этом случае, что, если дано, что знание, что p , отличается от истинного убеждения, что p , наличием свойства X , и можно представить X как самостоятельную ценность, то большую ценность знания, что p , можно вывести из наличия у него свойства X . Из того, что знание ценнее соответствующего истинного убеждения по некоему параметру X , не следует, что знание универсально предпочтительнее, так как, во-первых, не факт, что X объективно есть то, что отличает знания от истинных убеждений, и, во-вторых, для примитивных и чисто символических знаний (как минимум) различие по параметру X тем менее существенно, чем они функционально неразличимее. Но, по крайней мере, для функционально различимых знаний и истинных убеждений гипотеза, что первые ценнее вторых в силу наличия X , будет сохранять правдоподобие (коррелирующее с вероятностью истинности соответствующего определения). Поскольку X – переменная, большая ценность одного и того же знания может состоять в наличии у него одного из ряда свойств (допустим – X , Y , Z). Если суммарная вероятность истинности этих гипотез превышает вероятность их ложности, можно сказать, что тезис ценности, примененный к знанию, что p , правдоподобнее противоположного. Такова ли текущая ситуация с определениями знания? Не знаю, но, по крайней мере, можно констатировать, что имеется возможность обоснования большей эпистемической ценности для некоторых видов знаний.

Список литературы

- Каримов, 2019 – Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей: научная монография. СПб.: Алетейа, 2019. 428 с.
Платон, 1990 – Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 860 с.

References

- Baehr, 2009 – Baehr, J. “Is There a Value Problem?”, in: Haddock, A., Millar, A., and Pritchard, D. (eds.) *Epistemic Value*. Oxford University Press, 2009, pp. 42–59.
Carter, Pritchard, 2015 – Carter, A., Pritchard, D. “Knowledge-How and Epistemic Value”, *Australasian Journal of Philosophy*, 2015, vol. 93, no. 4, pp. 799–816.
Dutant, 2012 – Dutant, J. “The Value and Expected Value of Knowledge”, *Dialectique*, 2012, vol. 51, pp. 141–162.
Goldman, Olsson, 2009 – Goldman, A., Olsson, E. “Reliabilism and the Value of Knowledge”, in: Haddock, A., Millar, A., and Pritchard, D. (eds.) *Epistemic Value*. Oxford University Press, 2009, pp. 19–41.

Goldman, 1986 – Goldman, A. *Epistemology and Cognition*. Harvard University Press, 1986.

Greco, 2003 – Greco, J. “Knowledge as Credit for True Belief”, in: DePaul, M. (ed.) *Intellectual Virtue: Perspectives from Ethics and Epistemology*. Oxford University Press, 2003, pp. 111–134.

Greco, 2011 – Greco, J. “The Value Problem”, in: Bernecker, S., Pritchard, D. (eds.) *The Routledge Companion to Epistemology*. New York: Routledge, 2011, pp. 219–231.

Kvanvig, 2003 – Kvanvig, J. *The Value of Knowledge and the Pursuit of Understanding*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Kvanvig, 2005 – Kvanvig, J. “Truth is Not the Primary Epistemic Goal”, in: Sosa, E., Steup, M. (eds.) *Contemporary Debates in Epistemology*. Oxford: Blackwell, 2005, pp. 285–296.

Kvanvig, 2008 – Kvanvig, J.L. “Pointless Truths”, *Midwest Studies in Philosophy*, 2008, vol. 22, pp. 199–212.

Lackey, 2007 – Lackey, J. “Why We Don’t Deserve Credit for Everything we Know”, *Synthese*, 2007, vol. 158, pp. 345–361.

Meylan, 2018 – Meylan, A. “Virtue-Reliabilism and the Value of Knowledge: Classical and New Problems”, in: Battaly, H. (ed.) *The Routledge Handbook of Virtue Epistemology*. New York: Taylor Francis, 2018, pp. 317–329.

Nozick, 1981 – Nozick, R. *Philosophical Explanations*. Harvard University Press, 1981.

Swinburne, 1999 – Swinburne, R. *Providence and the Problem of Evil*. Oxford University Press, 1999.

Parfit, 2011 – Parfit, D. *On What Matters. Vol. 1*. Oxford University Press, 2011.

Piller, 2009a – Piller, C. “Reliabilist Responses to the Value of Knowledge Problem”, *Grazer Philosophische Studien*, 2009, vol. 79, pp. 121–135.

Piller, 2009b – Piller, C. “Valuing Knowledge: A Deontological Approach”, *Ethical Theory and Moral Practice*, 2009, no. 12, pp. 413–428.

Pritchard, 2005 – Pritchard, D. *Epistemic Luck*. Oxford, GB: Oxford University Press UK, 2005.

Pritchard, 2007 – Pritchard, D. “Recent Work on Epistemic Value”, *American Philosophical Quarterly*, 2007, vol. 44, no. 2, pp. 85–110.

Pritchard, 2008 – Pritchard, D. “The Value of Knowledge”, in: Zalta, E. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2008 [<https://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/knowledge-value/>, accessed on 18.05.2024].

Riggs, 2002 – Riggs, W.D. “Reliability and the Value of Knowledge”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2002, no. 64 (1), pp. 79–96.

Riggs, 2009 – Riggs, W. “Two Problems of Easy Credit”, *Synthese*, 2009, vol. 169, pp. 201–216.

Sartwell, 1992 – Sartwell, C. “Knowledge is Merely True Belief”, *American Philosophical Quarterly*, 1992, vol. 28, pp. 157–165.

Sosa, 2007 – Sosa, E. *A Virtue Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2007, 128 p.

Zagzebski, 2003 – Zagzebski, L. “The Search for the Source of Epistemic Good”, *Metaphilosophy*, 2003, vol. 34, no. 1/2, pp. 12–28.